

ГУССЕРЛЬ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА [ЗНАЧЕНИЕ, ОБРАЗ, МЕДИУМ]

Илья Инишев*

Abstract

Admittedly, Husserl's phenomenology doesn't belong to the tradition of linguistic philosophy which considers the language to be both main topic and instrument of the contemporary philosophizing. In the context of the «linguistic turn» – closely associated with the name of analytic philosophy – phenomenological theory of meaning and language served as exclusively a negative pattern. But in the past decades the situation has been changed. The semantic pragmatism which epitomizes the current state of ordinary language philosophy is characterized by the idea of «openness to the world» (John McDowell). The language communication should not be encapsulated within itself. On the contrary, from the point of view of semantic pragmatics, the communicative language is always saturated with world-contents. But this kind of openness to the world implicates some problems, namely the tension between two tendencies: the holistic one (tendency towards the whole) and the externalist one (tendency towards the given). This tension reproduces – of course on a higher level – the old ontological separation of world and language, of seeing and understanding. To reach more consistent view of the relation between world and language, the problem is to be formulated in topological terms. At this point, at least one concept by early Husserl – namely «medium of meaning» – becomes actual. Husserl himself interprets «medium» not as a mediator but as a milieu in which we can «live». Indeed we live in the medium of meaning while reaching the communicative (i. e. common) world within dialogical language which undermines the conventional ontological separation of seeing und saying. This integrative potential of communicative speaking is being proved by the structural analogy with perception of two-dimensional images which is distinguished by the interweaving of the material and semantic aspects.

Keywords: semantic pragmatics, image as paradigm, medium of meaning, interrelation of language and world.

До последнего времени имя Гуссерля редко упоминалось в контексте проблематики языка. А если упоминалось, то, как правило, исключительно с критическими намерениями. Де-

* Илья Инишев – кандидат философских наук, доцент департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва); inishev@gmail.com.

десятилетия феноменология Гуссерля рассматривалась как образец философской позиции, которая с самого начала – то есть в самих своих основаниях – и на протяжении всего своего последующего развития оставалась «враждебной языку». Другими словами, ещё недавно казалось, что феноменология сознания ни при каких условиях не сможет вписаться в «лингвистический поворот», ставший в последние десятилетия едва ли не универсальной формулой современного философствования. Однако сегодня приходится констатировать, что в последние годы эта формула – и даже сама идея «обращения к языку» – претерпела серьёзные изменения, сказавшиеся, помимо прочего, на понимании как вектора, так и конечного пункта «лингвистического поворота».

«Поворот к языку» – это не столько обозначение исторического этапа в развитии философии XX века, сколько оперативная метафора, которая, с нашей точки зрения, уже не выполняет своей функции инструмента исторической саморефлексии современного философствования. Начиная с 1970-х гг. в аналитической философии наблюдается усиление тренда к проблематике взаимосвязи между сознанием, миром и социальным действием, т. е. к подрыву характерного для классической аналитической философии языка лингвоцентризма. Было бы, конечно, неправильно расценивать эту тенденцию как восстановление *status quo*, как реставрацию «долингвистической» эпохи в истории философии. То, что в последние десятилетия называют «прагматическим поворотом», или, подобно Макдауэлу, «открытостью миру»¹ аналитической философии языка, – лишь реализация тех теоретических импульсов, которые легли в основание «поворота к языку».

«Поворот к языку» не вполне верно понимать как обращение к (исторически сложившемуся) понятию языка, которое – по каким-то причинам – оказалось исключительно важным в контексте современного философствования. Понятие языка не осталось в результате этого «поворота» неизменным, т. е. традиционным (согласно традиционному пониманию, язык – это изолируемая часть окружающего нас мира, например, используемая нами с целью аккумуляции и трансляции информации система знаков). Это выражение («поворот к языку») подразумевает не столько обращение к давно существующему понятию языка и соответствующему ему предмету, сколько поиск нового «предмета» и, соответственно, переопределение прежнего понятия. Такой взгляд на природу «лингвистического поворота» находит своё подтверждение в рекурсивном характере развития современной философии языка, особенно если дело касается принципиального понимания её основного предмета, выражаемого такими словами, как язык, значение, понимание, коммуникация и пр. Это развитие, как известно, прошло путь от представления об идеальном языке как *априорной структуре* к представлению о языке как *несамостоятельном элементе разнобразных, а главное, дорефлексивных социальных практик*. При этом различные представления о языке не образуют вертикали, т. е.

иерархии, а организованы, скорее, горизонтально, покрывая собой широкое поле гетерогенного «языкового феномена». Витгенштейн, как известно, в контексте вопроса о связи между различными представлениями о языке предпочитал говорить не о некоем априорно мыслимом сущностном ядре, а о «фамильном сходстве», считываемом в конкретных практиках использования языка.

Известная «равноценность» различных трактовок языкового феномена находит своё отражение и во взаимосвязи двух, казалось бы, несовместимых тематических аспектов: интереса к внешней типологии и к внутренней структуре языковых феноменов. В рамках осмысления языка в философской традиции выработаны три основные модели языка, или типических представления о языке: (знаковая) *система*, (референциальное) *отношение*, (допредикативный) *опыт* мира, – которые вместе с тем представляют собой элементы структуры речевой деятельности как таковой, рассматриваемой в своём многообразии и целостности. При этом целостность подразумевает не предметное, или пространственное, единство феномена, а практическую, или временную, целостность языковых и инфrazyковых практик.²

Какова роль феноменологии сознания вообще и теории значения Гуссерля в частности в рамках этой тенденции развития современного философствования? Другими словами, может ли теория значения Гуссерля быть актуальной в контексте нынешней, на наш взгляд, финальной стадии развития проблематики языка от философской семантики к языковой прагматике?

Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в три этапа. Сначала мы (1) кратко изложим те пункты в теории значения Гуссерля, которые, согласно распространенному мнению, препятствовали признанию его вклада в «лингвистический поворот», затем (2) охарактеризуем основные затруднения прагматически ориентированной философии языка и (3) завершим описанием тех черт феноменологической теории, которые способны оказать содействие в преодолении упомянутых трудностей.

1. К числу основных черт феноменологии Гуссерля, которые прежде рассматривались как непреодолимое препятствие для его включения в традицию «лингвистического поворота», следует отнести следующие: (а) ориентация на построение теории сознания, (б) систематическая опора на наглядное представление и (в) разработка «предметной» теории значения, т. е. такой, в которой значение интерпретируется как предмет. Все эти черты, естественно, образуют неразрывную связь. Из их наличия проистекает такое негативное для тематизации языка следствие, как игнорирование эксплицитных языковых форм и, более того, систематическая опора на невербальные формы опыта даже в том случае, когда речь идёт о теории значения.

Хрестоматийна в этом отношении критика в адрес Гуссерля со стороны Эрнста Тугендхата.³ Тугендхат стремится показать, что ориентированная на идею предметного восприятия теория зна-

чения Гуссерля, являющаяся прямым следствием его философских предпосылок, таит в себе непреодолимые трудности на пути поиска ответа на главный вопрос аналитической философии: как мы понимаем значение высказывания. Тугендхат критикует гуссерлевский способ различения значения и референциального предмета на фоне соответствующего различения Фреге, у которого оно имеет «внутриязыковой характер», т. е. осуществляется применительно к пониманию содержания эксплицитного высказывания, а не на основе взаимосвязи различных актов представления предметов.

Главный упрек Тугендхата в адрес Гуссерля состоит в следующем: гуссерлевская концепция значения, базирующаяся на теории предмета и теории восприятия, представляет собой результат обратной проекции предметного сознания (*Gegenstandsbewusstsein*) на понимание языкового значения. Особенно это касается гуссерлевого объяснения понимания полного высказывания. Согласно Тугендхату, значение полного высказывания – а именно: являющийся результатом категориального синтеза «факт» – представляет собой результат латентного опредмечивания номинализованного высказывания «что, *p*». Другими словами, «предметная теория» восприятия, с одной стороны, имплицитно основывается на исполнении языкового опыта, а с другой стороны, сама составляет неявное основание при формировании теории языкового значения. Налицо, по утверждению Тугендхата, предвосхищение основания. Один из важнейших выводов, базирующихся на критике Тугендхатом феноменологической теории значения, может быть сформулирован следующим образом: необходимо признать не только автономию, но и первичность языкового опыта по отношению к теоретико-познавательной перспективе, характерной для концепции значения Гуссерля. Однако исчерпывает ли эта констатация «эвристический потенциал» гуссерлевской теории значения?

Концепция Гуссерля, конечно же, не могла быть востребована в ранней аналитической философии, т. е. в контексте философии логического анализа. Более того, она, как мы видим, выступала в роли негативного примера, объекта критики, позволяющего более рельефно продемонстрировать преимущества аналитического подхода. Однако в послевоенное время, когда возобладала языковая прагматика и основной тенденцией аналитической философии языка стало стремление к «открытости миру» (Макдауэл), постепенно формируются предпосылки для пересмотра исключительно критического отношения к концепции Гуссерля. Мы не утверждаем, что теория значения Гуссерля становится актуальной в полном объёме и в своём первоначальном виде, но, по меньшей мере, некоторые из её элементов и мотивов становятся сегодня, на наш взгляд, весьма актуальными.

2. Отличительной чертой языковой прагматики является идея «воплощённого языка». Согласно этой идее, язык не представляет собой систему, которая ещё только ожидает своей имплементации в разнообразных языковых практиках и которая эту имплементацию

направляет. Язык – это в меньшей степени идеальная *система* знаков и в большей – дорефлективный (и в этом отношении «гиперреальный») *опыт* мира. Исполнение речи не следует трактовать как выразительное, или своего рода транспортное, средство для каких-либо обретенных внеязыковым образом внутримировых содержаний. Напротив, оно представляет собой первичный презентационный медиум, обладающий перформативно-коммуникативным характером. Таким образом, с точки зрения языковой прагматики язык обладает функцией раскрытия (артикуляции) мира, которая, среди прочего, заключается в том, чтобы обеспечивать социальную интеграцию посредством специфичного для языковых практик способа «обнаружения» мира. Говоря иначе, в перспективе языковой прагматики условия значения (истинности, приемлемости) высказывания представляют собой, по сути, условия доступа к этому – «опосредованному языком» – опыту мира. В итоге, ориентация на идею универсальной корреляции языкового и мирового по ту сторону лингвоцентризма и натурализма (т. е. при условии отказа от попыток сведения мира к языку или языка к миру) оказывается едва ли не всеобщим трендом в рамках современной философии («нормального») языка.

Если сформулировать эту тенденцию при помощи понятий из репертуара современной философии языка, то речь будет идти об идее структурной связи между семантическим холизмом и экстернализмом. Семантический холизм – теоретическая позиция в рамках философской теории значения, настаивающая на существовании корреляции между смыслом отдельного высказывания и смысловым целым всего языка. Семантический экстернализм отказывается от трактовки значения и, соответственно, его понимания как психического, т. е. «внутреннего», процесса.

Эти понятия (холизм и экстернализм) как нельзя лучше подходят для того, чтобы выразить вместе с тем и общее для различных версий языковой прагматики затруднение, которое состоит в существовании – на первый взгляд – непреодолимого напряжения между двумя тенденциями: отношением к целому (холизмом) и единичному (экстернализмом). Это напряжение, как нам кажется, является прямым следствием идеи «открытости языка миру», поскольку эта идея предполагает наличие структурной взаимосвязи между этими двумя типами отношения. В конечном итоге, речь идёт о воспроизведении в контексте философии языка затруднения, известного ещё со времён Канта, у которого эта проблема также формулировалась в ориентации на модель высказывания.

Упомянутый диссонанс становится очевидным, если трактовать отношение между этими тенденциями (холизмом и экстернализмом) *топологически*. Ещё раз: это отношение состоит в необходимости мыслить опосредованный языком опыт мира как *феноменальное* целое, состоящее из мира и внутримировых предметов. При этом в обоих этих аспектах данный опыт должен характеризоваться «непосредственностью контакта» с соответствующими

содержаниями. Но именно здесь и таится проблема: две основные тенденции современной языковой прагматики – холизм и экстернализм – *располагаются* в различных онтологических плоскостях, или измерениях. Отношение к миру как целому реализуется в горизонтальном, или *коммуникативном*, измерении *внутриязыковой* консистентности; отношение к внутримировому существу – в вертикальном, или *перцептивном*, измерении интуитивной наполненности содержаниями внешнего мира.

Наличие здесь двух плоскостей подтверждается и разнонаправленностью – а также различным характером – векторов активности «субъекта». Если горизонтальное измерение отличается рассеянностью (отношения к миру как целому), то вертикальное измерение, напротив, характеризуется концентрированностью (внимания на отдельном внутримировом существе или отдельном положении дел). Но главное, различие этих двух измерений, в конечном итоге, индицирует воспроизводство – правда, уже на новом уровне – старой проблемы, характерной для традиционных, или «допрагматических», трактовок языка. Речь идёт об (онтологическом) разделении языкового и внеязыкового. Например, в концепции «открытости языка миру» Джона Макдауэла эта проблема формулируется как проблема онтологической несовместимости двух пространств: пространства логических оснований и пространства каузальных связей. В итоге образуется неприемлемая ввиду базовой установки лингвистического прагматизма альтернатива, а именно: либо согласованность (когерентность) высказываний, либо их наполненность содержаниями внешнего мира.

Однако каков источник вышеописанного затруднения? На наш взгляд, этим источником является игнорирование вопроса о специфической *медиальности языка*. Несмотря на то что современная философия формирует представление о языке исходя из идеи воплощённости языка в разнообразии коммуникативных практик и в этом смысле исходя из идеи неразрывной связи языкового и медиального, всё же приходится констатировать недостаток систематической разработки этой темы. Актуальность систематического, или всестороннего, подхода продиктована, прежде всего, тем, что едва ли не общепризнанным является только один смысл медиальности языка, в то время как другое, не менее важное, значение этого термина почти полностью игнорируется. Ещё менее разработана взаимосвязь между этими двумя аспектами медиальности языка, двумя формами его «воплощённости». Речь, во-первых, идёт о различных типах материальности языка (голос, письмо), составляющих неотъемлемую часть осмысленного языкового поведения и представляющих собой условие возможности опыта языка как части зримого мира. А во-вторых, о статусе исполнения коммуникативной речи как нетематического медиума определённых модусов опыта мира, квалифицируемых как первичные. Другими словами, с одной стороны, язык составляет интегральную часть видимого мира, а с другой, любые внутримировые содержания могут быть выражены

в языке, сохраняя при этом связь со смысловым целым мира. Тем самым язык (исполнение речевого коммуникативного опыта) представляет собой нечто двойственное: с одной стороны, он – материальный медиум внутри мира, а с другой стороны, *медиальность* самообнаружения самого являющегося, или материального, мира.

Таким образом, отношение к «материальности» в обоих упомянутых смыслах (материальность как то, в чём язык воплощён, и как то, что вызывается к присутствию исполнением речи) задаёт направление для разрешения проблемы соотношения мира и языка. В нижеследующем мы попытаемся обосновать продуктивность ряда понятий из репертуара гуссерлевской феноменологии в этом контексте. Кроме того, в качестве модели для разработки позитивной концепции материальности (медиальности) и, следовательно, топологии речи будет рассмотрено двумерное изображение (графика, живопись, фотография и т. д.).

3. Перечислим и вкратце охарактеризуем некоторые мотивы и концепты феноменологической теории значения Гуссерля, которые, с нашей точки зрения, могут способствовать преодолению вышеупомянутых затруднений современной прагматически ориентированной философской теории языка.

В лекциях Гуссерля по теории значения⁴ мы находим ряд интересных и, как нам кажется, продуктивных для обсуждаемой здесь постановки вопроса понятий и различий. Перечислим лишь некоторые из них: 1) различие между «осознанием буквального текста» (*Wortlautbewusstsein*)⁵ и «осознанием значения» (*Bedeutungsbewusstsein*); 2) различие между «первичным принятием во внимание» (*primäres Bemerken*) и «тематическим подразумеванием» (*thematisches Meinen*); 3) «медиум означивания» (*Medium des Bedeutens*). Далее мы кратко поясним, в чём, на наш взгляд, состоит эвристический потенциал этих понятий сегодня.

(1) Структурная взаимосвязь «осознания буквального текста» и «осознания значения», или – в терминах *Логических исследований* – «выражения» и «значения», характеризует специфическую феноменальность и, соответственно, материальность слова. Специфика феноменальности, или явленности, словесных выражений – как устных, так и письменных – заключается в её «транспарентности». С одной стороны, при «восприятии» речи мы сосредоточиваемся на материальности языковых феноменов. С другой стороны – и буквально *сквозь* «восприятие» первого рода – мы обращены тематически к чему-то иному: к «подразумеваемому». Однако это «обращение» не следует понимать как род отношения между двумя объектами, т. е. реляционно.

(2) Нереляционный характер «обращения» к подразумеваемому *сквозь* медиум «данного» поясняется посредством терминологического различия между «первичным принятием во внимание» и «тематическим подразумеванием». В отличие от «первичного принятия во внимание» (имеются в виду разнообразные формы обращения внимания на единичные объекты и положения дел) «те-

матическое подразумевание» не представляет собой *отношения* к предмету, реализующегося в его наглядном представлении. Оно скорее *процесс*, переносящий нас в иную – в известном смысле автономную – область и заставляющий нас пребывать в ней. В этом смысле известного нам из первого *Логического исследования* различия между «знаками» и «выражениями». Если знак – это объект, находящийся в ассоциативной связи с другим (внутримировым) объектом, то (словесное) выражение – это не объект, отсылающий нас к другому внутримировому объекту, а своего рода пусковой механизм, инициирующий смену модуса сознания, или трансформацию самого опыта мира.

Эту специфику материальности языка (в его отличии от материальности знака) и соответствующего ей модуса восприятия способна пояснить аналогия с материальностью двумерного изображения и коррелятивной ей установкой сознания воспринимающего.

Материальные, или графические, элементы изобразительной плоскости как части окружающего нас трехмерного мира – точно так же, как вербальные звуки и символы, – с одной стороны, составляют постоянную «тему» при восприятии образа. Однако, с другой стороны, – здесь мы также усматриваем аналогию с материальностью устной и письменной речи – эти же элементы составляют материальность объектов изображения, принадлежащих совсем иному «онтологическому» контексту – контексту «изображённой действительности». Легко видеть, что графические элементы изображения функционируют иначе, нежели знаки в смысле указаний и признаков. Они не отсылают нас *к* другим объектам, находящимся в том же трёхмерном пространстве. Напротив, они скорее приглашают нас *в* двумерное пространство изображения и при этом сами отступают в него, растворяясь в его взаимосвязях, которые уже не каузальные, а смысловые. «Смысловые» означает здесь следующее: пространственные отношения между изображенными объектами, которые хотя и выразимы посредством количественных прилагательных, однако не доступны никаким измерениям, не совпадают с измеримыми расстояниями между материальными, или графическими, элементами. Например, на картине, изображающей альпийский пейзаж, пространственные отношения между составляющими её графическими элементами (цветными пятнами, мазками, пикселями и пр.) не только квантифицируемы, но и формализуемы, т. е. вполне могут быть сведены к количественным параметрам. В то время как пространственные отношения между передним и задним планом картины (например, долиной и горной грядой) носят не формальный, или квантифицируемый, а содержательный, или смысловой, характер. Соответственно, и позиция «воспринимающего субъекта» здесь характеризуется тем, что в отличие от способа восприятия графических элементов восприятие образных содержаний имеет вид не изолирующего сфокусированного схватывания (что требует сам характер отношения между графическими элементами), а дисперсной интеграции. Однако необходимо отме-

титель, что графические элементы воспринимаются изолированно только в том случае, если игнорируется их принципиальная несамостоятельность, а именно их принадлежность другой онтологической плоскости – плоскости изображения. При «стандартном» способе восприятия этих элементов, они – как было отмечено выше – трансформируют наше внимание, переводя его из контекста окружающего мира в контекст изображения.

Аналогичным образом Гуссерль рассматривает статус материальной стороны словесных выражений. С его точки зрения, «нормальная функция» письменного или устного слова состоит не в том, что слово и вещь «одновременно становятся объектами представления», а в том, «что “посредством слова вещь подразумевается” [в том,] что первоначальное принятие во внимание слова переходит – и притом повинуваясь тенденции, необходимости – в тематическое подразумевание вещи, и именно в медиуме осознания значения»⁶.

Однако, несмотря на то что Гуссерль здесь говорит не об «отсылке» к «означаемому», а о «переходе» в иной модус сознания («в тематическое подразумевание вещи»), функция материальной составляющей языка в рамках этого модуса остаётся непрояснённой. Строго говоря, для Гуссерля «плоть языка» (голос, письмо) не играет никакой роли, что лишний раз подтверждает справедливость многократно адресованных ему упреков в игнорировании специфики языковой составляющей коммуникативного опыта. Вместе с тем понятие медиума, как его использует Гуссерль в этом лекционном курсе, представляет собой своего рода протоидею специфической пространственной среды, или особой сферы опыта, «снимающей» в себе противопоставление языкового и внеязыкового и тем самым в известной степени нейтрализующей основания вышеописанного диссонанса внутри проекта языковой прагматики.

(3) Выражение «медиум означивания» (*Medium des Bedeutens*), которое мы находим в лекциях по теории значения и которое не встречается в *Логических исследованиях*, поясняет, как эту сферу следует понимать не только позитивно, но и так, чтобы её рассмотрение оставалось релевантным проблематике языка. Медиум здесь в известном смысле противопоставляется акту означивания. Несмотря на то что, как в *Логических исследованиях*, так и в лекциях по теории значения, основную «теоретическую нагрузку» в контексте феноменологического анализа языкового значения несут на себе выражения «придающий значение акт» и «исполняющий значение акт», финальным элементом здесь всё-таки оказывается «медиум означивания». «Медиум» здесь, как видно из контекста, следует понимать не в смысле инструмента-посредника и не в качестве материала-воплотителя, а, скорее, в пространственном смысле: как среду (обитания). В этом отношении примечательна формулировка Гуссерля из «лекций», которая звучит следующим образом: «мы “живём” в сознании значения (*Bedeutungsbewusstsein*)»⁷.

Следует признать, что мотив и понятие медиума, которые мы встречаем и в других работах Гуссерля, используются несистема-

тическим образом, т. е. по преимуществу метафорически. Что, впрочем, объясняется субъективистской и, как следствие, активистской стратегией его феноменологического проекта. Тем не менее, на наш взгляд, понятия акта и медиума вполне совместимы в рамках предлагаемой нами интерпретации Гуссерля.

Однако для того, чтобы этот тезис стал убедительным, необходимо, прежде всего, скорректировать трактовку акта, в частности «акта придания значения» и «акта исполнения значения». Как правило, выражение «акт» понимается в транзиторном смысле: как процесс, служащий переходным звеном между двумя состояниями, элементами и пр. Мы предлагаем – основываясь, кроме прочего, на некоторых высказываниях Гуссерля в «лекциях по теории значения» – трактовать это понятие в направлении идеи перформативности. Перформативный опыт отличается от транзиторного тем, что он не просто «осуществляет трансферт» из одной сферы в другую: например, из сферы сознания в сферу «внешней» действительности, но он сам – в процессе своего осуществления – формирует автономную область. На «стороне субъекта» этой характеристике соответствует то, что «субъект» опыта, обладающего перформативным измерением, не только осуществляет его, но и *пребывает* в нём – в его специфических содержаниях. Перформативный опыт – это не просто один из многих способов действия в данных обстоятельствах, от опыта не зависящих, но это – способ генерирования новых содержаний в среде (и в качестве этой среды), которая неразрывно связана с исполнением опыта и которая, тем не менее, не контролируется «субъектом» в полной мере.

Теория значения Гуссерля, представленная в его ранних работах и лекциях, будет выглядеть по-иному в свете вышеизложенного. Во-первых, отношение между «осознанием буквального текста» и «осознанием значения» следует понимать не в качестве двух этапов в рамках процесса формирования языкового феномена, а в качестве его несамостоятельных компонентов. Восприятие членораздельных звуков или дискретных графических символов не образует ассоциативную связь с определёнными объектами в объективной, субъективной или социальной реальности, а моментально трансформируется в иной тип опыта, обладающий собственной – учреждаемой им самим – пространственностью. Эта пространственность образуется системой связей, которой изначально принадлежат внутримировые вещи и которая становится «зримой» только в исполнении подобного опыта. Восприятие и, соответственно, трансформация материальной стороны языковых феноменов осуществляются «по путеводной нити» интенции значения, которая и направляет слуховое или зрительное восприятие по пути «медиализации», т. е. трансформации в автономную сферу по ту сторону субъективного и объективного. Тем самым «интенция значения» – это своего рода трансгрессия. Однако её основная характеристика – не процессуальная, а топическая. Она не столько «придаёт значение» материальным явлениям, сколько интегрирует их в контекст опытов иного типа.

Сказанное относительно структуры опыта языка можно проиллюстрировать на примере восприятия изображений на плоскости. Также и здесь восприятие материальных объектов (графических элементов, принадлежащих взаимосвязям трёхмерного пространства) трансформируется по «путеводной нити» образного сознания в восприятие целого контекста (мира изображения). Восприятие же «целого контекста» возможно лишь как пребывание в нём, но не как род «объективирующего схватывания». Характер связи «интенции значения» и «исполнения значения», структурное единство которых составляет феномен «осознания значения», можно пояснить на том же примере.

Согласно Гуссерлю, интенция значения включает в себе тенденцию к исполнению, состоящую в различных формах визуализации подразумеваемого. То, как именно подразумеваемый предмет наглядно представляется, обусловлено «материей акта», или его «содержанием», которое структурно связано с «качеством акта». Чем более полного и адекватного визуального наполнения интенции значения удаётся достичь, тем более осмысленным оказывается соответствующее высказывание. «Быть осмысленным» в данном случае означает максимальную конвертацию дискурсивно-языкового в интуитивно-визуальное. Памятуя о вышеприведённых критических возражениях в адрес гуссерлевской «предметной теории» значения, предложим её «медиадно-топологическое» толкование.

С «медиадно-топологической» точки зрения исполнение значения, задающее «телеологию» интенции значения, так же как и эта последняя, отличается трансгрессивностью. Однако как это возможно? Как «исполнение» (*Erfüllung*), по определению представляющее собой финальный этап соответствующего процесса, может быть трансгрессивным? Что означает трансформационная динамика как характеристика реализации, воплощения, осуществления? Исполнение значение – вопреки его пониманию самим Гуссерлем – не следует, на наш взгляд, истолковывать как визуализацию. Другими словами, интенция значения находит своё «исполнение» не в том, что она завершается «наглядной данностью». Соответственно, «исполнение» здесь – это вовсе не «осуществление референции». Если трансгрессивность интенции значения состоит в её тенденции и способности к модификации одного медиума в другой: медиума трёхмерного пространства каузальных взаимосвязей в медиум значимости, то исполнение значения – это форма конкретизации, или артикуляции, этого первичного медиума.

Аналогия с изображением состоит здесь в том, что восприятие изображения на плоскости также представляет собой своего рода артикуляцию, или, по выражению Вилема Флюссера, «сканирование»⁸. В процессе «сканирования», с одной стороны, элементы изобразительной плоскости трансформируются в элементы изображения, а с другой стороны, эти последние растворяются без остатка в содержательной взаимосвязи, обнаруживающейся в среде (медиуме) формирующегося изображения. Таким образом,

изображение на плоскости демонстрирует переплетённость, казалось бы, несовместимых аспектов: стабильности и динамики, дифференциации и интеграции, фактического и смыслового.

Изображение, как и интенция значения, характеризуется «избытком» содержания. «Избыточность» интенции значения даёт о себе знать в неэквивалентности подразумеваемого и представленного.⁹ Воспринимаемое всегда будет в том или ином отношении «отставать» от того, что подразумевалось в высказывании. С другой стороны, даже «пустое подразумевание», именуемое так Гуссерлем по причине отсутствия сопровождающего его наглядного представления, не будет бессодержательным. Оно по-прежнему будет обладать – в том числе – и визуальной полнотой, превосходящей полноту зрительного восприятия единичной вещи, подобно тому как содержание восприятия образа не исчерпывается ни картиной как (трёхмерным) материальным объектом, ни изображением как конфигурацией (двумерных) графических элементов. Взгляд не останавливается, достигнув плоскости, он движется далее, «вглубь» двумерного изображения, генерируя в процессе «сканирования» зримые содержания, избыточные по отношению к тому, что было «увидено» хотя и в строгом, однако чрезвычайно узком смысле этого слова.

Тем самым традиционное противопоставление «вербального» и «визуального», лежащее – как это ни странно – в основании как концепции Гуссерля, так и его критиков, которые, по сути, лишь переворачивают классическую оппозицию, оказывается не вполне точным. Хотя опыт языка и не сводится к перцептивному опыту, он, тем не менее, не лишён собственного зрительного содержания. То, что речь не идёт о «всего лишь» субъективных, или воображаемых, содержаниях, подтверждается изоморфизмом между ними и изображениями на плоскости, которые, очевидно, нельзя безоговорочно отнести к фиктивным объектам. Единство смыслового и визуального – эффект медиального характера как языкового, так и образного «сознания». Взаимосвязь репрезентируемых изображением объектов – например, элементов пейзажа, – очевидно, не пространственного, а смыслового свойства. Однако вместе с тем эта смысловая взаимосвязь не воображается, а воспринимается. Но воспринимается в медиуме – и вместе с медиумом, – в котором она обнаруживается. Единство «смыслового» и «феноменального», характерное не только для изображений на плоскости, но и для изоморфных им «внутриязыковых» содержаний, задаёт направление для преодоления охарактеризованной выше трудности, с которой столкнулась языковая прагматика. Речь идёт о напряжении между двумя тенденциями: холизмом и экстернализмом. Идея совместности двух измерений «открытости языка миру» – измерения мира как целого и мира как данного, – разъяснённая на примере образительных плоскостей с использованием ресурса ранней феноменологии Гуссерля, естественно, должна получить подтверждение и на примере необразных объектов и контекстов. В этом пункте мы

лишь наметим контуры идеи генетической связи между языковым и внеязыковым опытом мира, соответственно, между двумя этими способами «открытости миру».

Здесь мы также можем опереться на феноменологию Гуссерля, который исходил из идеи наличия генетической связи между двумя измерениями: измерением партикулярных объектов (внешнего мира) и измерением холистических смысловых структур (сферы сознания). Согласно Гуссерлю, представление о мире как необозримом множестве партикулярных объектов, расположенных в четырёхмерном пространстве-времени, представляет собой производную от первичного опыта мира как холистического медиума, структурно связанного с каждым конкретным «актом сознания». Этот холистический медиум отличается как раз тем, что к нему неприменимы традиционные дихотомии, тесно связанные с классическим представлением об опыте мира: партикулярное – универсальное, содержательное – формальное, смысловое – материальное. В «феноменологически редуцированном» опыте сознания вместе с каждым партикулярным актом обнаруживается содержательное целое, подобно тому как в восприятии образа нам становится доступна не одна вещь среди прочих и не конфигурация вещей, а плотное единство смыслового и материального: констелляция, положение дел.¹⁰ Другими словами, в языковом и образном опыте мы по всем направлениям – как в измерении «целого», так и в измерении «данного», – сталкиваемся с одним и тем же, а именно: с миром.

Примечания

- ¹ McDowell J. *Mind and World*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994. P. 111.
- ² Подробнее об этом см.: Инишев И.Н. *Чтение и дискурс. Трансформации герменевтики*. Вильнюс, 2007. С. 104–127.
- ³ Tugendhat E. *Vorlesungen zur Einführung in die sprachanalytische Philosophie*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1976. S. 143–175.
- ⁴ Husserl E. *Vorlesungen über Bedeutungslehre. Sommersemester 1908*. Nijhoff Publishers: Dordrecht, 1987.
- ⁵ Под «буквальным текстом» (Wortlaut) понимаются членораздельные звуки и символы, а также правила их сочетания, составляющие базовую предпосылку формирования осмысленных высказываний.
- ⁶ Husserl, op. cit., S. 23–24.
- ⁷ Ibid. S. 18.
- ⁸ Flusser V. *Für eine Philosophie der Fotografie*. Berlin: European Photography, 2006. S. 8.
- ⁹ См. об этом, например: Heidegger M. *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs*. Gesamtausgabe, Bd. 20. Frankfurt/M.: Vittorio Klostermann, 1994. S. 77.
- ¹⁰ Восприятие образа здесь более подходящий пример, чем гуссерлевское феноменологически редуцированное сознание, поскольку в последнем холистический аспект всё-таки сводится к формальному, или структурному, измерению.